УДК 338.43
DOI 10.17513/fr.44112

CC BY 4.0

РОЛЬ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ: СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Куликова Е. С., Кухарь В. С., Сабурова Л. В., Горбунова О. С.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный аграрный университет», Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Малые формы хозяйствования сохраняют существенное значение для российского сельского хозяйства, однако изменение их совокупной доли не раскрывает различий между фермерским производством и хозяйствами населения. Цель исследования заключается в определении структурных изменений и продуктовой специализации этих категорий производителей. Информационную базу составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2015–2024 гг. Применены сравнительный и динамический анализ, расчет долей, изменений структуры и вклада отдельных категорий хозяйств в производство основных продуктов. Научная новизна состоит в разграничении совокупного изменения расчетного контура малых форм и разнонаправленных процессов внутри него. Контур включает фермерские хозяйства с индивидуальными предпринимателями и хозяйства населения; малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций отдельно не оценивались. Установлено, что доля указанного контура в стоимости сельскохозяйственной продукции сократилась с 46,0 до 39,5 %, тогда как доля фермерского производства увеличилась с 11,5 до 14,2 %. В 2024 г. хозяйства населения обеспечивали 59,1 % производства картофеля, фермерские хозяйства – 38,9 % семян подсолнечника. Показано, что снижение совокупной доли сочетается с сохранением выраженной продуктовой специализации. Практическая значимость результатов заключается в обосновании дифференцированной поддержки сбыта, кооперации и инфраструктуры. Стоимостная динамика не интерпретируется как измерение реального роста или экономической эффективности.

Ключевые слова: фермерство, хозяйства, производство, структура, кооперация, специализация, трансформация

THE ROLE OF SMALL-SCALE FARMING IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN RUSSIA: STRUCTURAL CHANGES AND ECONOMIC TRENDS

Kulikova E. S., Kukhar V. S., Saburova L. V., Gorbunova O. S.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University", Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

Small-scale farming retains a substantial role in Russian agriculture, although changes in its aggregate share conceal differences between peasant farms and household production. This study identifies structural changes and product specialisation within these producer categories. Official statistics for 2015–2024 are examined through comparative and dynamic analysis, output shares and changes in production structure. The contribution lies in distinguishing changes in an explicitly defined analytical group from divergent developments within that group. It comprises peasant farms, including individual entrepreneurs, and household farms; small legal entities classified as agricultural organisations are not estimated separately. The group's share in the monetary value of agricultural output declined from 46.0 to 39.5 percent, while the share of peasant farms increased from 11.5 to 14.2 percent. In 2024, household farms produced 59.1 percent of potatoes, whereas peasant farms accounted for 38.9 percent of sunflower seeds. Declining aggregate shares therefore coexist with pronounced product specialisation. The findings support differentiated approaches to marketing infrastructure, cooperation and public support. Changes in output value at current prices are not interpreted as evidence of real production growth or economic efficiency.

Keywords: farming, households, production, structure, cooperation, specialization, transformation

Введение

Многоукладность российского сельского хозяйства предполагает сосуществование производителей, различающихся масштабом деятельности, использованием семейного труда и степенью включенности в товарный обмен. Поэтому роль малых форм хозяйствования нельзя определить только через общий объем выпуска или число действующих хозяйств. Для экономического анализа существенны изменения структуры производства, распределение продуктовых ниш и соотношение предпринимательских и преимущественно семейных способов хозяйствования. Сокращение совокупной доли нескольких категорий еще не означает одинакового ослабления каждой из них.

Библиографический анализ показывает, что И. М. Куликов и И. А. Минаков рассматривают малые формы хозяйствования

как значимую составляющую аграрной экономики и связывают их перспективы с условиями развития производственного потенциала [1]. Р. Х. Адуков выделяет государственные функции и контрактацию в обеспечении деятельности малого агробизнеса [2]. А. В. Голубев соотносит развитие сельской экономики с состоянием сельских территорий и качеством жизни населения [3]. Эти позиции позволяют различать коммерческий результат отдельного производителя и более широкий эффект сохранения хозяйственной активности на селе.

О. В. Исаева подчеркивает неоднородность аграрной структуры и необходимость учитывать взаимодействие разных форм хозяйствования при выборе механизмов управления [4]. Исследование структурных сдвигов в деятельности фермеров и индивидуальных предпринимателей уточняет организационное измерение этих изменений [5]. Анализ их участия в производстве основных продуктов раскрывает отраслевые различия [6]. Следовательно, изменение места фермерства следует проверять одновременно по совокупной продукции и по отдельным продуктовым направлениям: усредненная доля способна скрывать специализацию, важную для региональных рынков.

В исследованиях институциональной трансформации развитие форм хозяйствования рассматривается в связи с изменением национальных целей и условий взаимодействия участников отрасли [7]. М. В. Муравьева, И. Л. Воротников и А. Ш. Ситалиев обосновывают необходимость устранения ограничений небольших производителей и усиления внимания к их государственной поддержке [8]. Для настоящего исследования эта позиция означает, что сокращение статистической доли не является достаточным основанием для уменьшения поддержки: требуется выяснить, какие категории и функции затронуты структурными изменениями.

Региональный анализ малых форм хозяйствования Амурской области раскрывает зависимость их развития от территориальных условий [9]. Исследование трансформации аграрного производства областей Центрального Черноземья показывает значимость пространственного контекста структурных процессов [10]. Рассмотрение государственного регулирования в условиях глобальных вызовов дополняет проблему институциональным измерением [11]. Перенос отдельных региональных выводов на российское сельское хозяйство требует осторожности: природные условия, продуктовые рынки и доступность инфраструктуры формируют неодинаковые возможности для расширения производства.

О. А. Рущицкая, Е. С. Куликова, Е. Н. Ялунина и Т. В. Зырянова выявляют разнонаправленность изменений выпуска по категориям хозяйств и возрастающее значение организационных сдвигов [12]. Исследование развития малых форм хозяйствования дополняет эту постановку вопросами сохранения многоукладности [13]. Анализ их положения в региональном агропромышленном комплексе связывает хозяйственные результаты с условиями кооперации и взаимодействия производителей [14]. Рассмотрение становления фермерства позволяет учитывать длительность организационных изменений [15]. Объединение этих подходов требует разграничить фермерскую предпринимательскую динамику и изменение производства населения.

Исследовательский пробел состоит в недостаточном разграничении общего структурного изменения и процессов внутри статистически объединяемых малых форм. Настоящая работа рассматривает их роль через разложение совокупной доли на фермерскую и семейную составляющие и последующее сопоставление продуктовых ниш. Такой подход позволяет уточнить экономический смысл наблюдаемой трансформации, сохраняя различие между организационной категорией производителя, размером хозяйства и эффективностью использования ресурсов. Принципиально также отделить статистическую видимость категории от ее общественного значения: небольшие денежные показатели семейного производства не позволяют непосредственно оценить его вклад в самообеспечение и сохранение сельского образа жизни.

Цель исследования – выявить структурные изменения роли малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве России за 2015–2024 гг., разграничив динамику фермерского производства и хозяйств населения и определив направления их продуктовой специализации, значимые для дифференциации аграрной политики.

Материалы и методы исследования

Информационную базу составили табл. 1.3 и 1.15 сборника Федеральной службы государственной статистики «Сельское хозяйство в России. 2025» и методологические пояснения Российского статистического ежегодника за 2025 г. Числовые ряды проверены по открытому электронному воспроизведению таблиц. Рассмотрены опубликованные данные за 2015–2024 гг.; для компактного представления структурных изменений использованы крайние

годы, продуктовая специализация оценена по состоянию на 2024 г. Оперативные оценки более поздних периодов не включались.

Крестьянские (фермерские) хозяйства, включая индивидуальных предпринимателей, далее обозначены как КФХ. Расчетный контур малых форм объединяет КФХ и хозяйства населения. Это организационный контур наблюдения, а не размерная классификация: КФХ неоднородны по масштабу, малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций отдельно не выделялись. Последние поэтому не отождествлялись исключительно с крупным агробизнесом. Такой выбор обеспечивает воспроизводимость расчета, ограничивая полноту оценки всего малого сектора.

Стоимость продукции измерена в миллиардах рублей в фактически действовавших ценах. Доля категории рассчитана делением ее выпуска на выпуск хозяйств всех категорий с умножением на 100. Изменение долей выражено в процентных пунктах. Масштаб структурного сдвига определен как половина суммы абсолютных изменений долей трех непересекающихся категорий. Доли производителей отдельных продуктов использованы в процентах от натурального объема соответствующей продукции. Расчеты выполнены до округления до одного десятичного знака. Денежная динамика не трактовалась как изменение физического выпуска или рентабельности. Анализ является описательным; причинные эффекты поддержки и межрегиональная неоднородность не идентифицировались.

Результаты исследования и их обсуждение

Главный результат сравнения заключается в разнонаправленности изменений внутри расчетного контура малых форм. Фермерское производство усиливает долю в стоимости выпуска, тогда как хозяйства населения уступают часть относительных позиций. Объединение этих процессов в единый показатель создает впечатление однородного сокращения малого сектора. Однако такой вывод не объясняет, какие функции сохраняются за каждой категорией, и может привести к неверному выбору инструментов поддержки.

В табл. 1 сопоставлены стоимость продукции и доли организационных категорий в начале и конце наблюдаемого периода. Стоимостные показатели приведены в фактически действовавших ценах, поэтому отражают совместное воздействие количества продукции и цен. Отдельной строкой показана сумма выпуска КФХ и хозяйств населения. Она позволяет оценить расчетный контур малых форм, сохраняя возможность увидеть различия его составляющих и избежать подмены структурной динамики реальным ростом.

Таблица 1 показывает увеличение стоимости фермерской продукции с 551,1 млрд до 1327,8 млрд руб. при росте ее доли с 11,5 до 14,2 %. Для хозяйств населения стоимость выросла с 1654,9 млрд до 2374,2 млрд руб., но доля сократилась с 34,5 до 25,4 %. Следовательно, денежное увеличение выпуска может сопровождаться ослаблением относительных позиций. Расчетный контур малых форм увеличился с 2206,0 млрд до 3702,0 млрд руб., тогда как его доля снизилась с 46,0 до 39,5 %. Структурное перераспределение связано прежде всего с динамикой хозяйств населения. Рост доли сельскохозяйственных организаций с 54,0 до 60,5 % при этом не свидетельствует исключительно об усилении крупных предприятий: представленная категория включает организации разных размеров и не раскрывает распределение выпуска между ними.

Таблица 1

Стоимость и структура сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств

Категория	2015, млрд руб.	2024, млрд руб.	Доля 2015, %	Доля 2024, %
Сельскохозяйственные организации	2588,6	5659,1	54,0	60,5
Хозяйства населения	1654,9	2374,2	34,5	25,4
КФХ, включая индивидуальных предпринимателей	551,1	1327,8	11,5	14,2
Расчетный контур малых форм	2206,0	3702,0	46,0	39,5

Примечание: составлена авторами по данным Росстата. Сельское хозяйство в России. 2025. Таблица 1.3. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf (дата обращения: 19.10.2026). Доли и расчетный контур – расчеты авторов до округления. Сумма долей может отличаться от 100 % вследствие округления.

Таблица 2

Доли категорий хозяйств в производстве отдельных продуктов в 2024 г.

Продукт	Сельскохозяйственные организации, %	Хозяйства населения, %	КФХ, включая индивидуальных предпринимателей, %
Зерно, вес после доработки	68,6	1,2	30,2
Семена подсолнечника	60,8	0,3	38,9
Картофель	24,4	59,1	16,5
Овощи	30,9	45,5	23,6
Молоко	60,9	30,7	8,5
Скот и птица на убой, убойный вес	84,2	12,7	3,1

Примечание: составлена авторами по данным Росстата. Сельское хозяйство в России. 2025. Таблица 1.15. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/S_x_2025.pdf (дата обращения: 19.10.2026).

Расчет по неокругленным долям дает масштаб структурного сдвига 9,2 п. п. Этот показатель характеризует перераспределение стоимостных пропорций, не устанавливая непосредственного перемещения ресурсов между производителями. Различия ценовой динамики продуктовых направлений также способны влиять на доли. Поэтому обнаруженная трансформация требует проверки через натуральную структуру выпуска. Такая проверка особенно существенна для хозяйств населения: уменьшение их общего веса совместимо с сохранением значительных позиций в отдельных видах продовольствия.

Для определения продуктовых ниш в табл. 2 сопоставлены доли производителей в натуральном объеме отдельных продуктов за 2024 г. Отобраны зерно, подсолнечник, картофель, овощи, молоко и мясная продукция, представляющие разные производственные циклы. Сравнение проводится внутри каждого продукта, поэтому доли по разным строкам не суммируются. Такая конструкция показывает специализацию категорий хозяйств и позволяет проверить, насколько общий стоимостный показатель отражает их фактическое значение.

По табл. 2 хозяйства населения обеспечивали 59,1 % картофеля и 45,5 % овощей, тогда как КФХ – 16,5 и 23,6 % соответственно. Совместный вклад этих категорий достигал 75,6 % картофеля и 69,1 % овощей. В зерновом производстве распределение иное: доля КФХ составляла 30,2 %, хозяйств населения – 1,2 %. Для семян подсолнечника соответствующие значения равнялись 38,9 и 0,3 %. В животноводстве сельскохозяйственные организации производили 84,2 % скота и птицы на убой и 60,9 % молока. Хозяйства населения сохраняли 30,7 % молочного производства, КФХ – 8,5 %. Следовательно, небольшая совокупная доля определенной категории не исключает ее существенной роли в конкретном продукте. Особенно заметно это при сравнении зернового производства и картофелеводства. Эти соотношения характеризуют производство, но не показывают товарность, прибыльность или устойчивость каналов реализации.

Сопоставление таблиц позволяет говорить о дифференциации хозяйственных функций. Фермерская категория заметно участвует в зерновом производстве и выращивании подсолнечника, хозяйства населения сохраняют значительную роль в картофелеводстве и овощеводстве. Однако принадлежность продукта к определенной категории не доказывает направление его использования. Часть продукции населения потребляется внутри семьи, часть реализуется; опубликованные доли выпуска не позволяют установить соответствующие пропорции. Поэтому вклад в продовольственное обеспечение необходимо отличать от доли организованного товарного рынка.

Полученные наблюдения согласуются с рассмотренными исследованиями многоукладности и институционального развития. Их дополнительное содержание состоит в том, что изменение общего веса малых форм обусловлено неодинаковыми процессами внутри расчетного контура. Увеличение фермерской доли совместимо с уменьшением совокупного показателя. Следовательно, сохранение хозяйств населения и развитие предпринимательского фермерства требуют разных критериев оценки. Для первой категории существенны доступность ресурсов и возможность реализации излишков, для второй – устойчивость договоров, инфраструктура хранения и возможность формирования товарных партий.

Практическое следствие заключается в переходе от одинаковой поддержки организационных категорий к учету их производственных задач. Кооперация может уменьшать затраты на сбор, сортировку и перевозку небольших партий, однако ее результат зависит от реальной загрузки инфраструктуры и наличия покупателей. Поддержку целесообразно оценивать по изменению затрат, потерь и устойчивости сбыта, дополняя эти показатели результатами для сельской занятости. Представленные данные обосновывают направления такой диагностики, но не измеряют эффективность конкретных программ. Для ее проверки необходимы сведения об участниках поддержки, затратах, продажах и сопоставимой группе производителей.

Заключение

Исследование показывает, что изменение роли малых форм хозяйствования представляет собой внутренне неоднородную трансформацию. Снижение доли расчетного контура сочетается с усилением фермерской составляющей и сохранением хозяйств населения в продуктовых нишах. Научный вклад состоит в раздельной интерпретации общего структурного сдвига и разнонаправленной динамики его составляющих, дополненной проверкой специализации по натуральным показателям.

Для аграрной политики это означает необходимость согласовывать поддержку с функциями производителей. Развитие предпринимательского фермерства связано с устойчивостью сбыта и доступностью инфраструктуры, тогда как сохранение семейного производства требует учета самообеспечения и возможностей реализации излишков. Универсальный показатель совокупной доли не позволяет оценить выполнение обеих задач.

Проверяемость результатов обеспечивается раскрытием исходной стоимости продукции, базы расчета долей и продуктовых пропорций. При этом валидация арифметики не устраняет ограничений статистического охвата. Расчетный контур не включает отдельно малые юридические лица внутри сельскохозяйственных организаций и не является размерной классификацией. Стоимостные изменения отражают влияние цен, натуральные доли не характеризуют товарность и рентабельность. Дальнейшее исследование должно объединить сведения о выпуске, ресурсах, реализации и участии производителей в кооперации. Такая база позволит проверить, какие организационные решения обеспечивают устойчивое развитие разных категорий хозяйств, а какие лишь изменяют распределение выпуска между ними.

Список литературы

1. Kulikov I. M., Minakov I. A. Development of Small forms of Farming in the Agricultural Sector: Trends and Outlook // Bioscience Biotechnology Research Communications. 2021. Vol. 14. Is. 3. P. 948–955. DOI: 10.21786/bbrc/14.3.7.

2. Адуков Р. Х. Функции государства по развитию малых форм хозяйствования и контрактации в АПК // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025. № 12. С. 140–150. DOI: 10.33938/2512-140.

3. Голубев А. В. Влияние сельской экономики на развитие сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2025. № 4. С. 108–114. DOI: 10.33305/254-108.

4. Исаева О. В. Аграрная структура Ростовской области: уровень развития и механизмы управления // Аграрный вестник Урала. 2021. № 11 (214). С. 80–90. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-214-11-80-90.

5. Кекелева С. В. Структурные сдвиги в аграрном секторе в деятельности фермеров и индивидуальных предпринимателей // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 1. С. 66–71. DOI: 10.32651/211-66.

6. Кекелева С. В. Тенденции и роль крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 2. С. 52–58. DOI: 10.32651/212-52.

7. Максимова Т. П., Зинчук Г. М. Развитие форм хозяйствования в сельском хозяйстве РФ в контексте институциональной трансформации и новых национальных целей // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 10. С. 22–33. DOI: 10.32651/2510-22.

8. Муравьева М. В., Воротников И. Л., Ситалиев А. Ш. Проблемы и перспективы развития крестьянских (фермерских) хозяйств и сельских индивидуальных предпринимателей в России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2023. Т. 16. № 1 (76). С. 243–257. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2023_1_243.

9. Пашина Л. Л., Реймер В. В., Зияйдинов У. Ю. Малые формы хозяйствования в аграрном секторе Амурской области: анализ развития // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 4 (382). С. 31–36. DOI: 10.24412/2587-6740-2021-4-31-36.

10. Прибыткова И. И. Трансформационные процессы структуры аграрного производства областей ЦЧР // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 4. С. 51–54. DOI: 10.32651/214-51.

11. Решетникова Н. В. Особенности государственного регулирования малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса в условиях глобальных вызовов и угроз // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2. С. 811–826. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_23.

12. Рущицкая О. А., Куликова Е. С., Ялунина Е. Н., Зырянова Т. В. Структурные сдвиги и динамика производства сельскохозяйственной продукции в разрезе категорий хозяйств // Аграрный вестник Урала. 2025. Т. 25. № 7. С. 1143–1152. DOI: 10.32417/1997-4868-2025-25-07-1143-1152.

13. Старкова О. Я. Развитие малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Аграрный вестник Урала. 2021. № 7 (210). С. 93–100. DOI: 10.32417/1997-4868-2021-210-07-93-100.

14. Терновых К. С., Попкова Е. В., Кучеренко О. И. Малые формы хозяйствования в системе регионального АПК // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2021. Т. 14. № 4 (71). С. 93–100. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2021_4_93.

15. Уколова Н. В., Голубева А. А., Дозоров А. С. Становление крестьянских (фермерских) хозяйств и тенденции их развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025. № 4 (122). С. 119–127. DOI: 10.33938/254-119.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.